

ДЕРИВАТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗРАКИ

Термин «словообразование» употребляется в двух основных значениях: 1) для обозначения реальных процессов образования слов и возникающих словообразовательных отношений и 2) для обозначения лингвистической дисциплины, изучающей эти процессы и отношения между словами. В данной статье речь пойдет о втором значении этого термина, однако в тесной связи с первым. Словообразование в этом смысле, как и всякая иная научная дисциплина, нуждается в языке описания, то есть в системе понятий и выражающих их терминах. Нормальной, «штатной» ситуацией является то, что между языком как таковым и языком описания существует некий «зазор», то есть язык описания всегда оказывается не вполне адекватным своему предмету. Это выражается или в неполноте понятий и терминов, или, напротив, в их избыточности, когда за «понятием» не стоит никакой языковой реальности; тогда возникают фиктивные феномены и мнимые единицы языка. Однако в силу авторитета некоей научной традиции такие мнимости признаются подлинной реальностью, а выражающие их термины считаются адекватным ее отражением.

Синхронное словообразование, исследовательские процедуры которого основываются на понятии словообразовательного отношения между производной и производящей основами, зачастую бывает вынуждено создавать фантомные явления и соответственные им мнимые понятия. Наиболее очевидным случаем такого фантомного феномена является наложение морфем. Например, считается, что словообразовательное значение прил. *курский* — ‘относящийся к Курску’; это значение выражено суффиксом *-ск-*, следовательно, образование этого слова было якобы таким: *Курск* + *ск* + *ий*; так как последние звуки слова *Курск* те же, что и у суффикса, то происходит их «наложение» и вместо «правильного» **курскский* получилось реальное *курский*. Мы, однако, полагаем, что каждый житель этого города знает, что его название происходит от названия речушки *Кур*, на которой город и стоит: *Кур* + адъективный суффикс *-ьск-* + *ий* = *курьский* > *курский*, но синхронист не «чувствует» этой связи и из-за своего прискорбного бесчувствия изобретает никогда не существовавшее фантастическое «наложение морфем» (см.: [Земская, с. 151]).

Не менее фантастичны и утверждения сторонников теории «усечения» или «выпадения морфем», которую находим в разделе «Гаплогии» книги И. Б. Иткина «Русская морфонология»: «...мы не разделяем широко распространенного мнения о том, что в прилагательных типа *Свердловск* — *свердловский*, *Омск* — *омский* происходит наложение адъективного суффикса *-ск-* на конечное *-ск-* основы: с нашей точки зрения, первое *-ск-* в таких словах просто выпадает. В пользу этого решения говорит следующее простое и, как нам представляется, совершенно неопровержимое соображение, высказанное уже Н. А. Янко-Триницкой [Янко-Триницкая, с. 481]: элемент *-ск-*, входящий в название ряда городов и, к слову, являющийся несомненным и во многих случаях вполне четко выделяемым (ср. *Омь* — *Омск*, *Томь* — *Томск*, *Белое озеро* — *Белозерск*, *Мичурин* — *Мичуринск*, *якуты* — *Якутск*) суффиксом, отсутствует перед любыми словообразовательными морфемами, ср., например, *Омск* — *омич*, *омичка*, *Курск* — *курянин*, *курянка*, *Минск* — *минчанин*, *минчанка*, *Смоленск* — *смолянин*, *смолянка* и *смоленец*, *смоленка*. Неясно, почему адъективный суффикс *-ск(ий)* должен составлять в этом плане исключение» [Иткин, с. 254].

Эти противоречия среди синхронистов стали возможными из-за их незнания адъективной природы названий городов на *-ск-*, что было хорошо известно уже Ф. И. Буслаеву:

«К остаткам имен прилагательных кратких принадлежат названия городов: *Смолен-скѣ* (в старину *Смолен-ь-скѣ*, *Смолен-е-скѣ*), *Архангел-ь-скѣ* (в старину говорили “Архангельской городъ”» [Буслаев, с. 141].

В образованиях типа *Курск* — *курский*, *Томск* — *томский* не было ни «наложения морфем», ни не менее загадочных их «усечения» или «выпадения», ни даже предполагаемой И. Б. Иткиным гаплогонии — явления скорее фонетического, чем словообразовательного плана.

В определительном словосочетании *Курьскѣ городѣ* краткое прилагательное *Курьскѣ* с течением времени изменило свою грамматическую природу и стало субстантивированным, оторвавшись от полного прилагательного *Курьскыи*. Оторвавшись от адъективной парадигмы и субстантивировавшись, топонимы с «градообразующим суффиксом» *-ск-* типа *Курск* оказались в одном ряду с топонимами типа *Клин*, *Киев*, от последних с помощью суффикса *-ск-* образуются прилагательные типа *киевский*, *клинский*, деривационная история которых совсем иная, чем в парах *Смоленск* — *смоленский*, *Курск* — *курский*, последние представляют собой раздвоение прилагательных с суффиксом *-ск-*. Что касается названий жителей типа *куряне*, *омичи*, то и здесь нет никаких «усечений», «выпадений», гаплогонии: эти слова образованы не от названий городов, а от тех названий местностей, где находится город и от которых сам город получил свое название: название города *Курск* образовано от названия речки *Кур*, к которому восходит и название жителей города и окружающей местности — *куряне*, *курский*. Эта модель действовала и в более позднее время. Название города *Томск*, основанного в 1604 г. на реке *Томь*, происходит от этого гидронима, от него же происходит и прилагательное *томский*, и название жителей — *томичи*. Та же модель действует и в отношении *Омь* — *Омск* (1716 г.), *Омь* — *омичи*. Речь здесь идет о связанных основах, если эти основы самостоятельно не употребляются или широко не известны (речка *Кур*, на которой стоит *Курск*). Эта модель модифицировалась позже, когда названия городов приобрели мемориальный характер (*Свердловск*, *Кировск*, *Комсомольск* и т. п.), а названия рек, на которых построены старые города, перестали быть началом «древа» в сознании носителей языка.

Что касается словосочетаний типа *курский воевода*, *губернатор*, *университет* и т. п., то в них прилагательное *курский* имеет значение ‘относящийся к Курску’, а не ‘относящийся к Куру’, но это его лексическое, а не словообразовательное значение, возникшее по аналогии с такими прилагательными, как *московский*, *казанский* и др. В реальность явления наложения морфем можно будет поверить, если в каких-то источниках будут найдены такие варианты этого прилагательного, как **курьськый*, **курескый* или хотя бы **куресский*, если это древнее словообразование.

Более интересен в качестве мнимого явления «нулевой суффикс».

Считается, что слова *вылет*, *заход*, *выстрел*, *заскок*, *перелет* образованы путем обратного словообразования (редеривации, реверсии) от соответствующих глаголов *вылететь*, *заходить*, *выстрелить* и т. д. Считается также, что в этих словах имеет место так называемый нулевой суффикс со значением отвлеченного действия [Земская, с. 176], хотя этого суффикса нет в производящих глаголах. Представляется, однако, что понятие нулевого суффикса является фикцией, а сам нулевой суффикс является мнимой единицей словообразования. Какие для этого есть основания?

Возьмем ряд словоформ: *бас*, *какаду*, *зинерит*, *шасла* и задумаемся над такими вопросами. Что может думать иностранец, знающий, что *пас* — это форма м. р. ед. ч. прошедшего времени глагола *пасти*, и впервые встретивший словоформу *бас*? Что это тоже форма м. р. ед. ч. глагола *баси*? Он *бас*, она *басла*, они *басли*? Или что может думать русский ребенок, никогда не

слыхавший слова *какаду*? Что я — *какаду*, ты — *какадѣшь*, он — *какадѣт*, мы *какадѣм* и т. д.? Что делать с незнакомым словом *зинерит*: склонять его (*зинерит* — *зинерита* — *зинериту*) или спрягать (*зинерю* — *зинеришь* — *зинерит*)? Как квалифицировать слово *шасла*, если мы его слышим впервые? Он *шас* — она *шасла* — мы *шасли*? Или *шасла* — *шаслы* — *шаслу* — *шаслой*? Только узнав, что это — имя, означающее ‘сорт винограда’, мы будем его склонять, причем без всякого сомнения по типу склонения на **ā*.

Почему мы ничтоже сумняшеся считаем *кино* словом среднего рода? Разве в этом слове есть нулевой суффикс со значением среднего рода?

Что мы хотим сказать этими примерами? То, что форма слова может быть интерпретирована по-разному и что это истолкование само зависит от смысла, прежде всего от его категориального значения, то есть от принадлежности к части речи, что в нашем отношении к слову присутствует некое имплицитное знание, на которое мы опираемся, не всегда отдавая себе в этом отчет.

Все это означает, что нельзя отрывать словообразование от лексики и от морфологии, от таких понятий, как часть речи и морфологическая оформленность слова, которые могут играть роль словообразовательного средства, иначе говоря, не нужно абсолютизировать противопоставление словообразования и формообразования. Если мы знаем, что *зинерит*, *какаду* и *бас* — это имена, а не глаголы, мы не будем спрягать эти слова. Если сейчас мы знаем, что *кино* — это имя, то мы по одной его форме квалифицируем его как слово среднего рода. Если мы знаем, что в слове *прилет* само его оформление такое же, как в словах *дом*, *плод*, *сын*, *стол* и еще в бесчисленном множестве подобных, а также то, что это слово обозначает действие, но это значение оформлено грамматически как имя, то есть в отвлечении от лица или лиц, его производящих, времени, когда оно совершается, и т. д., то это включение в именную парадигму и есть словообразовательное средство, формирующее представление об этом слове как о существительном с отвлеченным значением действия.

И наоборот, отрыв словообразования от лексики и морфологии приводит к появлению таких фикций, как нулевой суффикс. Подобные фикции возникают, на наш взгляд, из-за слишком прямолинейного понимания изоморфизма между уровнями языка и недолжного перенесения понятий и терминов, возникших при исследовании и описании одного уровня, на другой. Такой недолжный перенос находим в статье В. В. Лопатина: «Основной принцип такого выделения нулевого аффиксального элемента — тот же, что и при выделении нулевых флексий в словоизменительных парадигмах: если некоторое значение (грамматическое или словообразовательное) обычно в большинстве случаев выражается определенной морфемой (суффиксом, флексией), то при отсутствии такой морфемы и каких-либо иных формальных средств выражения этого значения можно выделять нулевую морфему, несущую то же значение» [Лопатин, с. 78]. При этом включение слова в другую парадигму В. В. Лопатин, без должных на то оснований, считает лишь дополнительным, зависимым от словообразования: наличие нулевого суффикса изменяет принадлежность слова к части речи и включение его в новые парадигматические отношения. На наш взгляд, более правы В. Вондрак, писавший о том, что роль словообразовательного аффикса в праславянском выполнял тематический показатель парадигматического класса [Vondrák, s. 644], М. Докулил, считающий нецелесообразным применение понятия нулевого аффикса, так как образование нового слова происходит путем конверсии, то есть путем изменения морфологической характеристики (парадигмы) слова [Dokulil, s. 59]; Н. А. Крылов также считает, что «наличие нулевого аффикса нельзя вывести тем же способом, что и наличие нулевой флексии» [Крылов, с. 24].

В начале XX в. два крупных русских лингвиста заметили, что отсутствие окончаний в словах словоизменительной парадигмы связано с определенными грамматическими категориями

и что это отсутствие окончаний само может быть приравнено к окончаниям. Ф. Ф. Фортунатов назвал это отсутствие «отрицательным окончанием»: «Формальные принадлежности слов в их формах могут быть не только положительными, состоящими из известной принадлежности звуковой стороны в качестве формальной принадлежности слов, но и отрицательными, причем самое отсутствие в слове какой бы то ни было положительной формальной принадлежности может сознаваться как формальная принадлежность этого слова в известной форме (общей ему с другими словами) по отношению к другой форме или другим формам, где являются положительные формальные принадлежности в соединении с теми основами слов, которые в данной форме не имеют при себе никакой формальной принадлежности» [Фортунатов, с. 137–138]. И. А. Бодуэн де Куртенэ назвал это явление «нулевой морфемой», и этот термин вошел в общее употребление: «Кроме морфем, состоящих из определенной произносительно-слуховой единицы, мы должны принять непременно также м о р ф е м ы “ н у л е в ы е ”, т. е. лишенные всякого произносительно-слухового состава, и тем не менее ассоциируемые с известными семасиологическими и морфологическими представлениями» [Бодуэн де Куртенэ, с. 282].

В несколько темных словах Ф. Ф. Фортунатова просматривается важная идея того, что «отрицательное окончание» можно выявить лишь через отношение с другими формами того же слова, то есть, как сейчас принято говорить, в составе словоизменительной парадигмы. Действительно, в морфологии понятие нулевого окончания и нулевого формообразующего аффикса вполне продуктивно, так как парадигмы склонения или спряжения являются реально существующими языковыми величинами, организованными системно, то есть в них значимость каждого элемента определяется его отношениями с другими элементами системы. Выделение нулевой флексии обусловлено парадигматическими отношениями дом- \emptyset — дом-а — дом-у — дом-ом — дом-е; здесь «нуль звука» является функционально значимым. Признать наличие нулевого суффикса в слове *обжиг* можно только тогда, когда будет обнаружена некая парадигма, в которой противопоставленные элементы будут характеризоваться наличием и отсутствием материально выраженного носителя значения.

В конце концов, коль скоро образование слов совершается во времени, то вопрос надо поставить на историческую почву. Исторически в словах типа *ход*, *выстрел* нулевого суффикса не было, как не было его и в глаголах *ходить*, *выстрелить*. Г. А. Николаев был совершенно прав, когда писал: «Нулевые словообразовательные средства, способ нулевой суффиксации не были исконно присущи системе славянского словообразования»; в праславянском они имели «в своей структуре корневую, суффиксальную и флективную морфемы: бегъ (*beg-o-s), ходъ (*chod-o-s), сынъ (sun-ŷ-s) и т. д.» [Николаев, с. 38]. Вместе с тем этот исследователь считает нулевой суффикс реальной единицей современного словообразования, поэтому тем более интересно проследить его логику: каким же образом возникла эта единица.

Если бы мы жили в эпоху праславянского языка, то эти слова оформлялись бы так: *pri-lēt-ō-(s) > *прилет*, то есть это было бы имя, образованное суффиксальным способом, как и другие слова того же типа склонения: *plōd-ō-(s) > *плод*. Вследствие действия фонетических законов и морфологического процесса переразложения основ исконный суффикс-тема -ō- (как и другие суффиксы именных основ) утратился, то есть оказались утраченными «материальные показатели этой производности», но она непременно «должна была быть выражена при помощи морфемы. Таким выразителем производности стала нулевая морфема, являющаяся результатом действия системных отношений в словообразовании, аналогично тому, как в формообразовании в соответствующих случаях выступало нулевое окончание» [Николаев, с. 40]. И еще: «...морфема как выразитель определенных языковых типовых (грамматических или словообразовательных) значений не может исчезнуть при сохранении этих значений, и

при утрате своей фонетической выраженности она становится фонетически невыраженной, т. е. нулевой. В каждом славянском языке существует продуктивный словообразовательный тип имен нулевой суффиксации, соотносенных с глаголами и выражающих значение отвлеченного действия и связанных с ним обстоятельств» [Николаев, с. 170—171]. С этим нам согласиться трудно по следующим причинам.

1. В праславянском языке в словах **prilet-ǫ-(s)* и **plod-ǫ-(s)* имелся именной суффикс *-ǫ-* с неясным теперь значением; после известных фонетических процессов оба слова получили одинаковое фонетическое оформление: *прилет* и *плод*, однако почему-то только в слове *прилет* постулируется наличие нулевого суффикса, а в слове *плод* — нет. Одно из двух: или в обоих словах нужно утверждать наличие нулевого суффикса, или ни в одном. Г. А. Николаев пишет, что морфема как выразитель определенных значений не может исчезнуть при сохранении этих значений, следовательно, нулевой суффикс как преемник суффикса *-ǫ-* должен быть показателем именной, субстантивной природы слова *прилет*, однако ему приписывается новое (!) значение отвлеченного действия; значит, прежнее значение не сохранилось. Былой суффикс *-ǫ-* не имел специального значения отвлеченного действия, а после преобразований слова его наследник почему-то его получил. Это явное противоречие в рассуждениях Г. А. Николаева и всех тех, кто видит в словах типа *прилет*, *выстрел* и т. д. нулевой суффикс.

На наш взгляд, после утраты суффикса *-ǫ-* как материального показателя субстантивности ее выражением в словах типа *плод*, *выстрел*, то есть материальным показателем принадлежности таких слов к классу имен, стала сама их морфологическая форма: если слово *кино* мы относим к среднему роду по аналогии со словами *окно*, *село*, *гнездо*, то и слова со значением действия типа *ход*, *выстрел* мы относим к именам также по аналогии со словами *плод*, *дом* и пр. Это необходимое условие, но недостаточное: мы уже видели, что форма без знания категориального и лексического значения может быть интерпретирована по-разному, значит, нужно еще и знание лексического значения слов. Смысл первичен — форма вторична, или, как писал Н. Н. Дурново, «без значения, без логического содержания нет и грамматической формы» [Дурново, с. 144]. Это означает, что не форма осмысляется, а смысл оформляется: если есть смысл отвлеченной предметности, то он и оформляется в языке как имя определенного парадигматического класса, чаще всего — по типу склонения на **ǫ*.

2. Аналогия словообразования с формообразованием явно хромает. Словоизменительные парадигмы — это реальные единицы, члены которых связаны отношениями, которые могут менять материальные средства выражения, но остаются в целом неизменными. Насколько плодотворно перенесение понятия парадигмы из морфологии в словообразование? Является ли словообразовательная парадигма реальной величиной, или же это очередная фикция, мнимая единица, как и нулевой суффикс? Ответ на этот вопрос очень важен, так как доказательство реальности нулевого суффикса основывается на понятии словообразовательной парадигмы. Если же это мнимость, то само собой рушится и понятие нулевого суффикса.

«Словообразовательную парадигму, — пишет Г. А. Николаев, — мы понимаем как систему параллельно производных слов, образований при одном производящем, отстоящих от него на один деривационный шаг» [Николаев, с. 51]. Несомненно, ключевым в этом определении является слово «система». Хорошо известно, что не всякая совокупность элементов является системой, для этого она должна обладать как минимум двумя признаками. Совокупность элементов является системой, если эти элементы связаны отношениями и значение каждого отдельного элемента определяется его отношениями с другими элементами; появление или исчезновение элемента из системы изменяет отношения между остальными членами системы. Так, в древнерусском языке категория числа была системно организована таким образом:

ед. ч. — сто́ль
 дв. ч. — сто́ла
 мн. ч. — сто́ли (потом сто́лы).

В этой системе форма мн. ч. имела значение ‘больше двух’. После утраты дв. ч. система приобрела такой вид:

ед. ч. — сто́ль
 мн. ч. — сто́лы.

В этой системе форма мн. ч. имеет значение ‘больше одного’.

Этот элементарный пример хорошо показывает, как нужно пользоваться понятием системы и в описательной, и в исторической грамматике.

Воспользуемся приведенным выше определением словообразовательной парадигмы и посмотрим, обладает ли полученная совокупность производных слов признаками системности (для простоты отвлекаемся от параметров пространства и времени).

лѣсь	лѣс-др-ь ‘лесовод’
	лѣс-ова-ти ‘охотиться’
	лѣс-ьц-ь ‘уменьшит. к лѣсь’
	лѣс-ьн-ый > лесной
	лѣс-ьк-ь > лесок
	лѣс-ищ-е
	лѣс-ник-ь > лесник
	лѣс-ов-ой
	лѣс-ист-ый
	по-лѣс’-ј-е
лѣс-ин-а ‘одно дерево’	

Представляется очевидным, что значение слова *лѣсище* определяется не его отношениями со словами *лѣсарь*, *лѣсовати*, *лѣсовой* и др., а, во-первых, отношением с производящим словом *лѣсь* и, во-вторых, его включением в определенную словообразовательную модель: *зубище*, *дождище*, *гвоздище*, *холодище*, *сапожище*, *глазище*, *домище* и т. п. Утрата языком слов *лѣсарь*, *лѣсовати*, *лѣсьць* никоим образом не повлияла на значения остальных: ни *лесник*, ни *лесистый* не изменили своего значения. Нельзя исключить, что в литературный язык когда-нибудь войдут диалектные слова *лесачить* ‘находиться в лесу с какой-то целью’, *лесеть* ‘дичать’, *лесковка* ‘лесная яблоня’, но их вхождение не изменит значения уже существующих слов *лесник*, *лесистый*. Таким образом, слова *лѣсарь*, *лѣсовати*, *лѣсьць*, *лѣсьный* (*лесной*), *лѣськь* (*лесок*), *лѣсище*, *лѣсникь*, *лѣсовой*, *лѣсистый*, *полѣсье*, *лѣсина* не связаны парадигматическими отношениями, это не реальная единица, а абстрактная совокупность, объединенная на основе отвлеченного признака.

Возьмем ряд слов:

вы-ход
от-ход
у-ход
∅-ход.

Если слова с приставками *вы-*, *от-*, *у-* означают движение в определенном направлении, то ничто не мешает нам постулировать наличие в слове *ход* «нулевой приставки» со значением ‘отсутствие определенного направления движения’. Этот пример показывает, как легко можно строить псевдопарадигмы и, спекулируя на понятии системности, создавать мнимые единицы вроде «нулевого префикса».

Если словообразовательная парадигма — это мнимая величина, то мнимой единицей будет и нулевой суффикс, так как из ложных посылок нельзя вывести истинных следствий.

3. Словообразование не следует отделять не только от лексики и морфологии, но и от синтаксиса, точнее, от тех коммуникативных заданий, которые слово выполняет в предложении. Считается, что имена *ход*, *мольба* образованы от глаголов *ходить*, *молить* и т. п. Бесспорно то, что слова *ход* и *ходить*, *мольба* и *молить* являются соотнесенными по смыслу, но то, что они связаны словообразовательными отношениями, позволительно поставить под сомнение. Эти слова соотнесены по смыслу, потому что у них общий корень — носитель этого смысла; грамматически неоформленный корень — это и есть первичная лингвистическая реальность. Если мы хотим общаться по поводу этого смысла, сделать его предметом сообщения, то должны оформить его как имя, чтобы оно смогло быть подлежащим высказывания, что и совершалось при помощи суффикса **ō*: **chod-ō-s*; если же о каком-то другом предмете сообщается, что оно обладает этим смыслом, то мы должны этот смысл оформить как личный глагол, например, так: **chod-i-ть*. Иначе говоря, изначально смысл оформляет себя в соответствии со своим коммуникативным заданием, и так образуются словоформы:

**chod-ō-s* → *ход*

↗

**chod-*

↘

**chod-i-ть* > *хóдит*

**mol-ьb-a* → *мольба*

↗

**mol-*

↘

**mol-i-ть* > *мóлит*

Инфинитив, как известно, является праславянской инновацией, возникшей после того, как были образованы имя и личные формы глагола, поэтому исторически слово *ход* не могло образоваться от инфинитива *ходить*, *мольба* — от инфинитива *молить* и т. д.

Вопрос о статусе словообразования все еще остается предметом дискуссий: одни считают словообразование частью грамматики (морфологии), другие — разделом лексикологии, третьи — самостоятельным уровнем языковой системы наряду с фонологическим, лексическим и грамматическим. Если словообразование — это особый уровень, то он может быть описан с применением тех же понятий и процедур, что и изоморфные ему лексический и морфологический уровни. Именно в этих описаниях возникают такие понятия и единицы, как словообразовательная парадигма и нулевой суффикс. Если же признать их мнимостями, то придется иначе посмотреть и на статус словообразования, а именно признать его частью лексикологии, ибо смысл самих словообразовательных процессов заключается в том, чтобы пополнять словарный состав языка; словообразовательные морфемы входят в основу слова, формируя его лексическое значение.

Основной реальной единицей словообразования является словообразовательное древо (гнездо), внутри которого выделяются словообразовательные цепочки; для описания этого древа необходимы и достаточны такие понятия, как способ словообразования, словообразовательная модель, словообразовательные отношения производности (мотивированности) и семантические отношения между разными словами одного древа. Для исторического описания словообразовательного древа важны еще понятия пространства и времени.

Так, на корне *лѣс-* растет древо; в разное время и в разных местах на этом древе возникают слова *лѣсарь* и *лѣсникъ*; после образования общерусского койне и возникновения на его основе русского литературного языка эти два слова оказались тождественными лексико-семантическими вариантами, различающимися лишь структурно; один из вариантов оказался избыточным и исчез — один «листик» на древе увял и упал, а другой зеленеет; *лесник* сохранился, а *лѣсарь* «увял» скорее всего потому, что первое слово принадлежало к более продуктивной словообразовательной модели; модель же с суффиксом *-арь* вообще устарела.

Литература

- Бодуэн де Куртене И. А.* Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. II.
- Буслаев Ф. И.* Историческая грамматика русского языка. М., 1959.
- Виноградов В. В.* Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков) // Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1977. С. 166–220.
- Добродомов И. Г.* Откуда появилось «усечение морфем» // Русский язык в школе. 1995. № 1. С. 70–73.
- Дурново Н. Н.* В защиту логичности формальной грамматики // Дурново Н. Н. Грамматический словарь. Грамматические и лингвистические термины / Под ред. О. В. Никитина. М., 2001. С. 143–149.
- Земская Е. А.* Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.
- Иткин И. Б.* Русская морфонология. М., 2007.
- Крылов Н. А.* Бессуффиксные существительные общего рода, соотносительные с глаголами // Статьи и исследования по русскому языку. М., 1962. С. 19–28.
- Лопатин В. В.* Нулевая аффиксация в системе русского словообразования // Вопросы языкознания. 1966. № 1. С. 57–62.
- Николаев Г. А.* Русское историческое словообразование. Теоретические проблемы. Изд. 2-е. М., 2009.
- Фортуатов Ф. Ф.* Избранные труды. М., 1965. Т. I.
- Янко-Триницкая Н. А.* Наложение морфем в основе русского слова // Известия Академии наук СССР. Сер. литературы и языка. 1970. Т. 29. № 6. С. 478–488.
- Dokulil M.* Tvoření slov v češtině. 1 Teorie odvozování slov. Praha, 1962.
- Vondrák W.* Vergleichende slavische Grammatik. Bd. I, 2. Aufl. Göttingen, 1924.